

*На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мироздания...*

Владимир Высоцкий

Михаил Сергеевич и Гераклит

Нет, он уже не был президентом СССР, поскольку не было уже и самого СССР. И всё же я шёл на встречу с первым Президентом СССР, пусть даже и с приставкой «экс»...

Мы беседовали часа полтора. Странные ощущения оставила в памяти та беседа. Он задумал организовать новую Социал-демократическую партию, партию социализма с человеческим лицом. Зачем? Объяснял Михаил Сергеевич по обыкновению длинно и витиевато. И всё время сбивался на своё противостояние с Ельциным. Словно бы оправдывался. Мол, всё задумывалось вовсе не так, как в итоге получилось. Его не поняли, его не поддержали, а в конечном итоге – предали. Я спрашивал, он отвечал. Но отвечал не столько на мои вопросы, сколько на свои, которые, видимо, не переставали мучить его. Смесь обиды и сожаления слышал я в интонациях его голоса. И желание всё исправить.

Самое забавное, что он говорил всё очень правильно. И задумка сама по себе была верной. Народ уже подустал и от Ельцина, и от того

бедлама, который он организовал в стране. Но при этом было совершенно ясно, что затея экс-президента – пустая. Именно от того, что исходила от Горбачёва. Всё же прав был мудрый грек Гераклит Эфесский. Утекла та вода, которая вынесла на крутой берег истории ставропольского комбайнера; и когда выбросило его бешеное течение на отмель, все попытки вновь нырнуть в бурные волны большой политики оказались напрасными. Мало кому это удалось... Ни у шустрого Немцова не получилось, ни у упрямого Явлинского, ни даже у такой глыбы, как де Голль... Из больших политиков непотопляемым оказался, пожалуй, лишь Уинстон Черчилль, которого не раз выбрасывало из стремнины, а он возвращался...

Я слушал бывшего президента, поглядывал на диктофон – хватит ли плёнки, записывал кое-что в блокнот, а сам всё думал: осознаёт ли этот человек, какой след оставил в истории огромного государства, понимает ли, где, когда и в чём ошибся. И вдруг понял: он ни разу не сказал об ошибках и, похоже, не считает, что ошибался в чём-то принципиальном. Не на тех людей положился – да, не тем политикам поверил – да, проявил мягкость – да. Но курс был верным! Просто поневоле вспоминался товарищ Дынин из очень советского фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён»: «Товарищи, я хотел как лучше! Чтобы дети поправлялись, чтобы дисциплина была... Как же, товарищи?» Верил ли я в добрые намерения Горбачёва? Утверждают, что французский монах Бернард Клервоский в 1150 году написал, что «ад полон благими желаниями и намерениями». Так он хотел подчеркнуть двуличность человека и его помыслов. Люди, которые напоказ стараются делать добро, на самом деле творят злодеяния.

Интервью с Горбачёвым я в итоге написал. Большое интервью получилось, подробное, честное. И главное, что из него следовало, что старался Горбачёв показать себя человеком будущего, но было абсолютно ясно, что он безнадежно человек прошлого. В общем, неприятный осадок остался у меня после той долгой, но, в общем-то, пустой беседы – всё поверхностно, всё в лишних словах и ненужных оправданиях. Он, как мне кажется, так и не осознал, отчего его «благие намерения» разрушили огромную державу...

Из Вандеи с любовью

Февральские тучи тяжело жались к земле, снежный горизонт сливался с белесым небом, бесприютная нескончаемая дорога уводила куда-то в безнадежную даль, не обещая ничего нового.

– Все, России конец! – Игорь мрачно смотрел на голые заснеженные поля за окном машины, на деревеньки, мелькающие по обочинам, кособокие домишки, через один с заколоченными окнами, на хрипло каркающих вслед машине лохматых ворон с покосившихся столбов и заборов. – И надеяться не на что, скоро России не будет; придут американцы, скупят остатки, молодежь разъедется по Европам, продается за тряпки и жвачку. И никто не поможет... И попу этому французскому здесь делать нечего; он думает, что спасется здесь, в России, душу свою спасет? А уже и России-то нет, считай... Вон, смотрите, деревни уже почти нет, А что за Россия без деревни? Ничто!

Лена молча смотрела в окно на бесприютную голь зимы. Ей хотелось в Париж, под сень каштанов на Монмартре, а мы ехали в городок

Алатырь. Узнали, что в старинном чувашском Алатыре уже полтора десятка лет живет священник из Франции – отец Василий, и поехали знакомиться...

В Алатыре, как в Греции, все есть – завод, психушка, тюрьма, издательский дом, краеведческий музей, двенадцать церквей, аж два монастыря и даже две реки. В общем, все, что нужно для полноценной жизни. Но самая большая местная достопримечательность, прямо сказать, – француз отец Василий, настоятель храма во имя Иверской иконы Божией Матери. Принял он нас тепло, видно, уже привык к интересу журналистов.

Горели свечи, мерцала фольга дешевых иконных окладов. Дымился горячий чай в разнокалиберных чашках. Отец Василий улыбался нам и, словно бы заново всё переживая, рассказывал:

– Вообще, я был готов ко всему: приехать в чужую страну и остаться в ней навсегда. И я знал, что легко мне не будет... Знал, что будет очень трудно, но также я знал, что буду терпеть всё – меня ничто не сломит. Я был готов даже к тому, что меня посадят в тюрьму. Но я также был уверен, что меня ведет Господь. А раз так, значит все, что он мне пошлет, – моя судьба... А сейчас я в России как рыба, которая... нашла воду...

– Как рыба в воде, – подсказала Лена.

– О, да, да...

Он родился в тихой деревушке Тиффож, в провинциальной Вандее, на западе Франции.. Когда-то его звали Пьером и он был католиком. Теперь он православный священник Василий и живет в Чувашии. Где она, эта Вандея и где Чувашия... А вот поди ж ты.

Я смотрел в лучистые глаза священника, почти не слушал его, грелся и чаем, и его слегка ломаной речью и думал о своём. И чем его деревушка Тиффож по большому счету отличается от деревушки Березовка, где родилась Лена? Да ведь, пожалуй, ничем. А вот Лёну тянет в Париж, а Пьера тянуло в Россию...

Солнце играло инеем на проводах и березовых ветвях, отец Василий махал нам вслед рукой, пока не пропал за поворотом. Дорога взлетела на холм, и вокруг раскинулись чувашские неоглядные просторы...

...Едешь-едешь по Нижегородчине, по Мордовии или по Чувашии, везде и всюду одно и то же: уходящие в бесконечность поля, перелески, снова поля – под отсыревшим февральским небом, замерзшие и замерзшие вдоль дороги деревушки, суетливое воронье на хлипких заборах, прогорклые кафешки с нелепыми названиями, провинциальные городки, спящие под пылью патриархальности... Везде и всюду... Отчего же тогда внутри все сжимается и тает, когда за окном медленно проплывают узкие улочки очередного провинциального городка, о существовании которого ты даже и не подозревал? Лена уткнулась носом в холодное стекло машины и все смотрела и смотрела на и эти старинные купеческие дома с резными крыльчками, эти окна в кружевных наличниках, и этот печной дымок, запах которого просачивался даже сквозь плотно закрытые окна.

– Нет, Россию никто не сможет погубить! Никогда! – Игорь с блуждающей улыбкой смотрел на белоснежные поля за окном машины, на живописные деревеньки со сверкающими под солнцем снежными шапками на крышах, на жизнерадостных ворон, деловито шныряющих по обочине. – В Европе умные люди, не дураки – знают, что с загнившего

Запада к нам в Россию бежать надо, только здесь все сохранится, только здесь можно спастись... Зря, что ли, этот батюшка аж из Франции приехал. Смотрите, сколько горожан покупают дома в деревнях! А сейчас, когда поняли, что нужно держаться поближе к земле, еще больше будут покупать. Я сам куплю! Да, Россия никогда не погибнет, нет, никогда!

Нихт ферштейн!

Одно дело ехать куда-то по туристической путевке, так сказать, all inclusive, и совсем другое – в командировку в горячую точку. Тут всякое может случиться. Дороги послевоенной Сербии не могли не привести нас в Грачаницу, что километрах в восьми южнее Приштины. Маленький сербский городишко с монастырём в центре, окружённый албанскими поселениями, жил словно в прифронтовой полосе. Тут и там колючая проволока, белые каски миротворцев, брошенные дома и разлитое в воздухе неясное напряжение, тревога...

Эйфория, вызванная «приштинским броском», сходила на нет, и Игорь, мой спутник по сербским скитаниям, мрачно повторял:

– Ельцин Косово сдаст, вот увидишь.

Да, было похоже, что Косовский край будет отторгнут от Сербии, но кто бы знал, что это случится так внезапно...

Уже перед самым отъездом решили мы с Игорем побродить по окрестностям. Нас предупредили: на территорию проживания албанцев лучше не заходить. Узнать можно по флагам: где сербские – там спокойно, где албанские – могут быть инциденты. Каменистыми узкими тропками забрались на какую-то горюшку, с вершины которой якобы видно Албанию. Посмотрели: ну Албания и Албания – те же холмы, поросшие рыжеватыми травами и редкими корявыми деревцами. Пока спускались, заговорились и свернули не на ту тропку. Вдруг заметили, что над домами, что рассыпались по склону, – сплошь красные албанские флаги. Смотрим, от одного дома наперерез нам идёт бородатый брутального вида мужик с автоматом. Игорь, крикнув «бежим!», припустил вниз, к шоссе. Я бежать что-то постеснялся, да и куда мне с хромой ногой. Мужик с автоматом поравнялся со мной и начал на ходу что-то говорить. Я решил, что не стоит отвечать ему по-русски или по-сербски, но и молчать было бы странно. Тут у меня как-то само собой вырвалось:

– Нихт ферштейн.

Так мы и шли почти до шоссе: он мне что-то говорит, я ему в ответ «нихт ферштейн». В конце концов он отстал.

Серб, сопровождавший нас в поездке, долго качал головой и цокал языком: мол, всё могло бы кончиться очень и очень нехорошо...

Утром, когда мы собирались уезжать на легковушке нашего сопровождающего в Косовску Митровицу, выяснилось, что Косово отделилось от Сербии и все КПП на границе заняли албанцы. Ехать на машине опасно. Решили, что поедем из Приштины на рейсовом автобусе, который отвозит через границу на работу в Сербию и косовских сербов, и косовских албанцев. Всё-таки будем на виду у людей.

На КПП в автобус вошли двое албанцев – копии того брутального мужика с горы, тоже в бородах и с автоматами. Проверяли документы. Увидев наши с Игорем российские паспорта, принялись что-то кричать,

чего-то требовать. Ясное дело, предъявив российский документ, глупо было прикрываться «нихтферштейном». Я улыбался и вежливо повторял, что не знаю албанского, просил позвать переводчика. Ситуация неприятно накалялась; спасло нас то, что вместе с албанцами на КПП стояли ооновские «белые каски». Один из ооновцев, увидев происходящее в окно, постучал по стеклу и погрозил пальцем. Албанец бросил нам наши паспорта и пошёл из автобуса. Мы тогда не знали ещё, как поступали иногда косовские албанцы с пассажирами одиноко проезжавших машин. Так что, может быть, нам с Игорем повезло, что наши органы не достались какому-нибудь европейскому миллионеру.

По дороге в Белград мы снова и снова переживали случившееся.

– Я же говорил, – качал головой Игорь, – сдадут Косово. Вот и сдали. Это всё равно, как если бы у нас Куликово поле отобрали, понимаешь?

В Белград мы приехали поздним вечером, а утром улетели в Москву. День был ясный, безоблачный, я смотрел вниз, на пёстрое европейское лоскутное одеяло, а из головы всё не шёл тот бородатый мужик с «калашниковым»...

Златомир Савович

Поздним тихим вечером мы сидели на широком балконе многоквартирного дома на окраине Берлина, пили кофе с коньяком и разговаривали. Старый худощавый серб Златомир Савович очень интересно говорил о старении наций и катастрофическом падении культуры. Ему довелось пожить и в Югославии при Тито, и во Франции, и в Италии, и в Германии, окончить три университета; факты и случаи из личной жизни так и пёрли из него, как из ящика Пандоры.

И тут какой-то молодой немец выставил на соседний балкон колонки стереосистемы и включил довольно громкую музыку. Там, судя по гомону и женскому смеху, собралась вечеринка. Под окна подъехал большой черный «Мерседес», и молодые люди с балкона стали громко переговариваться с приехавшими. Из открытого окна дорогого авто доносились громкие басы – «дум-бум, дум-бум!» Это стало случайной, но яркой иллюстрацией к нашей беседе.

– Уровень жизни не гарантирует уровня культуры, а порой даже и наоборот, – сказал Златомир Савович. Вздохнув, он встал из-за столика, подошел к перилам балкона и громко сказал: – Молодые люди! Это акустический империализм, музыкальная оккупация!

Музыка на соседнем балконе тут же стихла, «Мерседес» хлопнул дверью и отъехал. «Все-таки падение культуры в разных странах происходит разными темпами; у нас бы его просто послали», – подумал я, но ничего не сказал.

Он – Златомир Савович – был молодым, здоровым и веселым, когда только что сбежал от полиции Франции, которая невзлюбила его за участие в студенческих волнениях, а во Францию он сбежал из Югославии, где коммунисты невзлюбили его за то, что ему довелось родиться в зажиточной семье. Но он был молод, здоров и весел, у него была девушка и вся жизнь впереди. Здесь, в Германии, он учился в университете, жил в бедном студенческом кампусе и дружил со старым профессором. Иногда вечерами они сидели за кружкой пива, и профессор учил его жизни. Однажды они рассуждали о природе страха, и профессор рассказал ему:

– Было это то ли в сорок третьем, то ли в сорок четвёртом году. В университете проходило какое-то торжественное собрание. После речей ученых на трибуну взошел высокопоставленный фашистский функционер и начал, явно играя под фюрера, выкрикивать патриотическую речь. Все уже поняли, что с Гитлером вышла промашка и война аукнется немцам большим горем. Все смотрели на плотного сытого и румяного фашиста, и всем было противно...

И тут один молодой немецкий преподаватель встал и демонстративно пошел к выходу. Все считали его опустившимся человеком, он сильно пил, и на кафедре его держали из жалости как ветерана, лишившегося ног. И тут в зале встал еще один инвалид и тоже пошел к выходу, следом еще и еще. Докладчик замолчал.

И в гулкой тишине зала все сидели и слушали, как они уходят, скрипя и стуча протезами: «хрр-туп, хрр-туп, хрр-туп»... И фашист стоял на трибуне весь потный и красный и понимал, что сделать ничего нельзя. В чем их обвинишь? Они уже отдали за Германию свою молодость и свое здоровье. И им было, в общем-то, нечего терять, кроме жизни. А когда человеку нечего терять, то и жизнь ему кажется уже не столь ценной...

Прошло уже очень много лет, Златомир Савович сам стал старше того профессора, а рассказанную им историю помнит до сих пор. Он не задумывался, чему она его научила. Но чему-то научила, он это точно понимал... Он пересказал эту историю мне, и меня она тоже чему-то научила.

Нектария

В пещере было очень холодно, особенно после подъема по крутому меловому склону под давлением тридцатиградусной жары степного июньского солнца; пар от дыхания вился белесым облачком, а голосок монахини звучал высоко и полно и гулким угасающим эхом искал по галереям и кельям выхода из подземелья.

– И тогда этот монах встал здесь, в самом темном и холодном месте, на колени и в полной темноте, не зажигая свечечки, стал молиться. Он молился много-много дней, иногда другие монахи приносили ему немного еды, но она часто оставалась нетронутой. И когда силы его стали покидать его и он решил, что так и умрет, оставшись непрощенным, раздался страшный треск! – Молоденькая монахиня Нектария, которая водила паломников по удивительным подземным храмам Костомаровской обители, сама волнуясь от своего рассказа, задохнулась на мгновение и продолжила с неподдельным восторгом: – Прибежавшая на шум братия увидела, что монах лежит ниц без сознания, а пещера треснула, и из трещины изливается сияние, а вокруг пахнет ладаном! Сияние постепенно угасло, а едва слышный запах ладана остался до сих пор. Чувствуете?

Кучка паломников в темноте, едва разбавленной слабыми огоньками свечей, послушно засовывала в трещину озябшие ладони и шмыгала носами:

– Чувствуем, матушка, чувствуем!

В пещере пахло сырым мелом и, едва заметно, давно сгоревшими восковыми свечами. Предание о монахе, замолвившем свои грехи, не тронуло меня; сколько я уже слышал подобных историй по многочисленным российским монастырям. Что ни монастырь, то – чудо...

Нектария была умной и, кажется, образованной девушкой, но елейно-восторженной, как и почти все бросившиеся в веру как в комсомол. Такие все время неосознанно ищут доказательств существования Бога. И убеждая в чудесах паломников, подспудно убеждают себя... Никаких доказательств я тут не искал. Но сама эта пещера притягивала и будила воображение. Еще бы! По преданию, возможно, вот по этой самой пещере, узко петляющей в туше меловой горы, брел старцем сам апостол Андрей Первозванный...

Я потрогал косую трещину в стене, понюхал ладонь; пахло плохо протертой школьной доской. Если это правда, то как красиво – Россия еще не крестилась, а тут, на Дону, уже пробивалась сквозь язычество православная обитель. Мел под рукой был прохладен и гладок, словно шелк...

У выхода из холодной пещеры солнце с новой силой так горячо навалилось на паломников, что все сразу вспотели. Я поднес платок ко лбу и вдруг почувствовал сильный запах ладана. Пахла ладонь, которой я трогал меловую трещину в пещере...

Бахтияр и Валера

Путина закончилась. И заканчивался мой отпуск на краю Каракумов, на берегу солёного, как море, озера Сарыкамыш; пора было уезжать. Утром мы с Валерой отправились к бригадиру рыбхоза Бахтияру. Бахтияр жил в невысоком глинобитном доме на краю посёлка. У неровного, сложенного из серых валунов забора мы остановились. Бахтияр ходил по крыше дома и кланялся. Мы с Валерой удивлённо переглянулись. Бахтияр сделал шаг, наклонялся и, снова выпрямившись, делал следующий шаг. Увидев нас, он сверкнул сквозь чёрную бороду крепкими зубами и махнул рукой: забирайтесь сюда!

Только поднявшись на плоскую крышу, мы поняли, в чём дело. Вся кровля была покрыта двадцатипятирублёвыми бумажками.

Нужно жить в советские времена, чтобы понять, какое впечатление на меня произвела эта картина! Мне с моими ста двадцатью рублями месячного жалованья для того, чтобы скопить столько денег, нужно было бы трудиться лет двести.

На Валеру, однако, всё это не произвело никакого впечатления.

– Чем это ты занимаешься? – смеясь, спросил он дружка. – Капиталы проветриваешь?

– Да вот, представляешь, – развёл руками Бахтияр, – деньги-то я в коробках из-под ботинок храню, в тайнике. А вчера вдруг прошёл дождь. Представляешь! Десять лет не было здесь настоящего дождя, а тут – ливень! Представляешь, всё промокло, все деньги. Вот пришлось сушить. Подождите, сейчас переверну остатки, и будем чай пить.

И он принялся переворачивать бумажки, придавливая каждую камешком, чтобы не сдуло слабым ветерком, поддувавшим с Сарыкамыша.

Я, конечно, знал, что сарыкамышские рыбаки зарабатывают очень хорошо. Но чтобы так!..

– Да это же не за одну путину, – сказал Валера, увидев, как я поражен. – К тому же живёт он практически натуральным хозяйством – овощи, фрукты, всё своё. Муку только покупает да из одежды что-то. На что ему тратить? Не на что. Ну и накопилось. Вот сестёр будет замуж выдавать – потратит. И всё равно много останется...

– И у тебя столько же? – не удержался я от вопроса.

– Не-е, я трачу. Я поеду в Москву, в Питер, потом в Ялту, потом в Сочи... Девочки, карты... Мне иногда даже не хватает, – Валера ухмыльнулся, – Бахтияр на дорогу переводом присылает...

Я знал, что Валера отсидел несколько лет в каких-то северных лагерях. Не знал, правда, за что. Семья его обратно не приняла, вот он и осел здесь, на краю земли, вкалывая на путинах, а в перерывах прожигая жизнь...

Вечером мы сидели на деревянном настиле, застеленном ковриками, и пили зелёный, с непривычным для меня вкусом, огненный чай. В зарослях душистого тамариска, что разросся вдоль южной стены дома, сновали вездесущие воробьи и юркие зелёные ящерицы.

– Хочу машину купить, – сказал Бахтияр, – но не знаю какую. У нас тут никто в машинах не разбирается. В верблюдах, в ослах – да, вот в машинах... Вы, русские, про машины всё знаете, вот и посоветуйте.

Мне кажется, Бахтияр подначивал нас, он ведь в армии служил в танковых войсках, но мы с Валерой вдруг действительно заспорили. Он стоял за практичные «Жигули», а я за комфортабельную «Волгу». Спор был, конечно, несерьёзным, но мы даже стали орать друг на друга и стучать по ковру ладонями:

– «Волга» – дерьмо! Она же ненадёжная, её криворукие собирают! На запчастях разоришься!

– «Жигули», что ли, надёжные, тут у вас даже техстанций для них нету!

Но тут Бахтияр засмеялся, хлопнул нас по спинам и заявил:

– Да чего вы спорите, куплю и «Волгу», и «Жигули»!..

Ни с Валерой, ни с Бахтияром я потом уже больше не виделся ни разу. Правда, через год Бахтияр прислал мне письмо, в котором попросил прислать вилки и ложки. Нужно было для приданого сёстрам, а там у них это большой дефицит. Когда я покупал эти вилки-ложки, в магазине на меня смотрели с удивлением. Ещё бы, сестёр у Бахтияра было семь.

В ответ он прислал мне ящик вяленой сарыкамышской рыбы. Он звал меня в гости, и я собирался. Но потом страны с названием СССР не стало, я несколько раз переезжал и потерял адреса и Бахтияра и Валеры. Но мне до сих пор иногда снится серебряно-голубой Сарыкамыш, смеющийся Валера с печальными глазами и Бахтияр. Иногда в моих снах он ходит по крыше и кланяется.